

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Хэ Ц. Конструкции с вторичной союзной связью в русских говорах Приамурья // Филология: научные исследования. 2024. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.12.72710 EDN: GPHNSN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72710

Конструкции с вторичной союзной связью в русских говорах Приамурья

Хэ Цээ

ORCID: 0009-0009-7317-497X

аспирант, высшая школа русской филологии; Тихоокеанский государственный университет
680001, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Монтажный пер., 5, кв. 5

heshelize@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.12.72710

EDN:

GPHNSN

Дата направления статьи в редакцию:

14-12-2024

Аннотация: Объектом статьи является вторичная союзная связь, а ее предметом – конструкции с данным видом связи. Вторичная союзная связь имеет место при включении того или иного союза в синтаксические отношения между компонентами подчинительного словосочетания, что привносит в его семантику особые коммуникативно-прагматические смыслы. В качестве цели избрано описание этих конструкций на региональном диалектном материале в сопоставлении его с аналогичными конструкциями современного русского литературного языка. Эмпирической базой работы являются факты из "Словаря русских говоров Приамурья" и "Национального корпуса русского языка". Рассматриваются конструкции с элементарными сочинительными союзами "и", "но", "а", "да", ибо они являются древнейшими средствами синтаксической связи и поэтому предоставляют возможность анализировать имеющийся материал с учетом его прототипических особенностей. В статье используется методология Дальневосточной синтаксической школы, заключающаяся в разноаспектном описании средств синтаксической связи через конструкции, в организации которых они участвуют. Применяются также сравнительно-

сопоставительный и количественный методы анализа. Главным выводом по итогам проведенного исследования является следующее. В отличие от современного русского литературного языка конструкции с вторичной союзной связью в русских говорах Приамурья имеют ограниченный характер. Основной массив примеров зафиксирован с союзом "но" и с союзом "да" при его употреблении в противительном значении. Конструкции с другими элементарными союзами практически не отмечены, в том числе и с союзом "а", который, как и союз "но", также является носителем противительной семантики. Это, как мы полагаем, является следствием того, что союз "а" в сознании носителей русских говоров Приамурья еще тесно связан со своим исходным значением – соединительно-сопоставительным, тогда как вторичная связь тяготеет к противительно-уступительной семантике. Новизна исследования и личный вклад автора статьи заключаются в том, что впервые в русистике было сделано системное описание вторичной союзной связи на диалектном материале. Результаты проведенного исследования дают возможность лучше понять принципы функционирования вторичной союзной связи не только в русских говорах Приамурья, но и в системе русского национального языка в целом.

Ключевые слова:

синтаксис, союз, конструкция, конструктивные свойства, синтаксическая связь, синтаксические отношения, синтаксический ряд, говоры, семантика, прагматика

1. Введение

Статья посвящена синтаксическим конструкциям со вторичной союзной связью в русских говорах Приамурья, которая организуется элементарными сочинительными союзами «но», «а», «и», «да». При вторичной связи «союз выражает отношения между словами, уже вступившими в сочетание посредством словоформ» [12, с. 89–90]. Например: *пришел, но поздно* (пришел поздно); *шампанское, да со льдом* (шампанское со льдом); *взрослый, а дразнится* (взрослый дразнится); *поет, и громко* (поет громко) и др.

Выбор данных конструкций в качестве объекта описания обусловлен следующими причинами. Конструкции со вторичной союзной связью (далее – КВС) отражают тенденцию ко всё большей дифференциации коммуникативных смыслов речи, передающихся с участием средств синтаксической связи. Этот процесс находит широкое распространение в современном русском литературном языке (см.: 4; 7; 17] и др.). Изучение КВС в говорах, в данном случае приамурских, позволит, как мы полагаем, увидеть эти процессы из самой основы национального русского языка – народной речи, что, в свою очередь, поможет лучшему пониманию КВС и в рамках литературного языка. Этим также обусловливается и выбор конструкций с элементарными союзами как самыми древними в морфолого-синтаксической системе русского языка средствами связи.

Вторичная союзная связь еще не была прямым объектом исследования не только в РГП, но и в работах, посвященных русским говорам в целом. Исходя из этого актуальность статьи определяется необходимостью исследовать КВС в русских говорах Приамурья. Дополнительным аспектом описания является их сопоставление с аналогичными конструкциями в современном русском литературном языке.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляет концепция Дальневосточной синтаксической школы [23], заключающаяся в разноаспектном

описании служебных слов русского языка, в том числе и союзов, на основе синтаксических построений (конструкций), в организации которых они участвуют. Она представлена прежде всего в основополагающих работах А. Ф. Прияткиной (см.: [\[12, с. 89-109; 13, с. 103-106\]](#) и др.), а также в работах других представителей Дальневосточной синтаксической школы и их последователей (см.: [\[2; 4; 7; 17; 22; 24\]](#) и др.).

2. Материал и методы

Настоящая статья является продолжением начатого нами описания сочинительных средств связи в русских говорах Приамурья [\[3\]](#), которое осуществляется как на морфолого-синтаксическом, так и на коммуникативно-прагматическом уровнях. Русские говоры Приамурья (далее – РГП) являются сплавом «материнских забайкальских говоров XIX века» [\[14, с. 7\]](#) (см. также: [\[5; 10; 11\]](#)). Результатом исследования русских говоров Приамурья на сегодня являются два издания «Словаря русских говоров Приамурья». В статье представлен языковой материал из второго издания словаря [\[19\]](#), в основе которого лежит переработанное и дополненное первое [\[18\]](#). Кроме того, в качестве поискового ресурса в статье используется электронная версия данного словаря [\[20\]](#). Примеры предложений-высказываний с КВС из литературного языка получены посредством «Национального корпуса русского языка» [\[9\]](#).

3. Обсуждение результатов

Рассмотрим сначала факты функционирования КВС в современном русском литературном языке, а потом сравним с КВС в русских говорах Приамурья. Такое сопоставление должно дать более наглядную и объемную картину исследуемого явления.

3.1. КВС в современном русском литературном языке

В современном русском литературном языке КВС организуются всеми элементарными сочинительными союзами: соединительным «и», противительными «а», «но», а также союзом «да» в обоих употреблениях (соединительном и противительном).

1. Соединительный союз «и» связывает словоформы, являющиеся в семантико-синтаксическом плане однородными (*день и ночь, синий и красный, читал и писал* и др.) или находящиеся в причинно-следственных отношениях (*постучал и вошел, проспал и опоздал*). И. Н. Кручинина отмечает, что сам по себе союз «и» передает это «в очень общем, крайне отвлеченном виде и сам по себе еще никак не информирует о внутреннем соотношении действий, например, об их взаимной временной ориентации» [\[6, с. 20\]](#).

В составе КВС соединительное значение «и» несколько ослабевает, а на первый план выходят различные оттенки усиливального характера (меры и степени, темпоральности, локальности, характеристизации и др.):

«Группа «Ласковый май» на дискотеках не звучала, а «Машина времени», наоборот, **звукала, и вовсю**» («Известия», 2002.11.24), *На самом деле подводное течение здесь есть, и мощное* (Л. Данилкин. Круговые объезды); Стрепетов **остановился, и вовремя**. Хватит с него жен (В. Маканин. Отдушина); Значит, надо место жительства менять, **менять, и срочно**. (П. Галицкий. Опасная коллекция); – Я тебя с девчатами познакомлю, у нас на танцах в клубе духовой оркестр **шпарит, и с барабаном** (П. Проскурин. Судьба).

В контексте данных предложений-высказываний союз «и» ориентирует на

одновременность происходящих событий.

2. У противительного союза «но» специалисты выделяют значения «ненормального следствия» и «обманутого ожидания» [21, 171-206]. В КВС эта семантика «но» в целом сохраняется, однако при этом актуализируются различные оттенки уступительности (заместительность, компенсаторность, количественность и др.):

– Ты, наверное, думаешь: «Что же это за библиотека, если книг больше нет?» Книги **есть, но в капсулах** («Кот Шрёдингера», 2017); – Во времена регулярных революций княжение вообще **отменяли, но ненадолго** («Домовой», 2002.02.04); Этого рыжего мальчишку Корытин и прежде **видел, но мельком** (Б. Екимов. Пиночет); По студии я шел в костюме государя императора. Встречные **оглядывались, но редко** (С. Довлатов. Чемодан); Если дать им всем по очереди проехать на одной и той же машине, то разница **будет, но небольшая** («Русский репортер», № 22 (200), 2011). И т.д.

Конструкция есть, но капсулах предлагает слушающему изменить свой первоначальный выбор. Конструкции видел, но мельком; отменяли, но ненадолго; оглядывались, но редко ограничивают частотность и длительность событий. В свою очередь, конструкция будет, но небольшая ограничивает размер или величину чего-либо.

3. В значении союза «а» присутствует несколько семантических компонентов. В. З. Санников рассматривает три: «“а” несоответствия; “а” сопоставления; “а” присоединительное, или обобщающее» [16, с. 266-267]. В КВС с данным союзом, как правило, эксплицируются семантические оттенки «а» несоответствия (сожаления, восхищения, упрека и др.):

Жизнелюбие Макса и его коварную сметку Даша **недооценила, а зря**. (Н. Черных. Слабые, сильные), Высокое военное начальство этот интерес **игнорирует, а напрасно**. (И. Николаев. Последний приказ генерала), И вам, так же самое, – совет: **выпиваете, а без закуски** (В. Шукшин. Печки-лавочки). И т.д.

Лексемы «зря» и «напрасно» уже в силу своей семантики выражают в зависимости от контекста упрек или сожаление, но во взаимодействии с союзом «а» данная семантика еще более усиливается: **а зря, а напрасно**. Что касается конструкции выпиваете, а без закуски, то фоновая информация сообщает слушающему, что выпивать без закуски вредно для здоровья, хотя это ничуть не отменяет вред алкоголизма как такового.

4. Союз «да» в зависимости от морфологического-синтаксического состава конструкции, как известно, может выражать два вида синтаксической связи: соединительную и противительную. Поэтому, «с одной стороны, он является своеобразным показателем отношений сходного, тождественного, аналогичного, с другой – показателем отношений разного, нетождественного, неаналогичного» [15, с. 68]. Главную роль в этом процессе играет лексическое наполнение частей предложения, связываемых союзом «да», ибо именно на основе этого и разграничиваются типы его употребления.

При выражении соединительной связи в КВС союз «да», как и союз «и», выражает эмоционально-экспрессивные оттенки усилительного характера:

А у Кости это решение вызывает неподдельное возмущение – ему бы еще ехать и **ехать, да побыстрее** (Отчёт о велосипедном походе (2001)); Сколько лет эта ярка у богатея не ягнилась, а у нас сразу же **объягнилась, да двойней** (Ф. Абрамов. Трава-мурава); Ах, вот вы какие туристы! – впервые улыбнулся шофер. **Залезайте, да попроворнее** (С. Голицын. За березовыми книгами). И т.д.

При выражении противительных отношений в союз «да», как и союз «но», привносит в конструкцию различные уступительные оттенки:

*Да я тебя давно растормошил **пытаюсь, да жалко*** (А. Берсенева. Полет над разлукой);
*А теперь?! **Хватились, да поздно.*** Так чего уж тут поздравлять! (Т. Коробьина. Дневник), Бабка плакала, голосила, а дед ее урезонивал: *«Ты кричи, да в меру.* («Пермский строитель», 28.02.2003). И т.д.

Таковы в общем и целом особенности употребления КВС с элементарными сочинительными союзами в современном русском литературном языке.

3.2 КВС в русских говорах Приамурья

Рассмотрим особенности функционирования КВС с союзами «но», «а», «да», «и» в РГП. Анализ проводился с использованием как типографического издания СРГП [19], так и его электронной версии [20]. Учитывалось только интерпозиционное расположение союзов. В итоге выявлено в пределах ста пятидесяти употреблений союза «но» и около трехсот союза «да» (в обоих значениях). Что же касается союзов «и» и «а», то сложность выявления их частотности состояла в том, что эти лексемы активно используются в СРГП не только в речи диалектносителей, но и при подаче грамматического материала, а также при толковании значений слов. С учетом этого нами была определена ее нижняя граница – в пределах двух тысяч употреблений каждого союза соответственно, которая, как мы полагаем, является на данном этапе нашего общего исследования (описания сочинительных средств связи в РГП) вполне достаточной для получения базовых сведений о функционировании КВС в приамурских говорах.

Главной неожиданностью для нас стало то, что полученные результаты, сообщающие о частотности КВС в РГП, оказались значительно ниже предполагаемых. Самыми употребительными оказались КВС с союзом «но», хотя их было выявлено всего в пределах десяти неоспоримых примеров. И это при том, что предложений-высказываний с союзом «но» зафиксировано в СРГП в сравнении с другими союзами меньше всего (см. выше).

Значение выявленных КВС с «но» в целом такое же, как и в литературном языке, – противительное с различными оттенками уступительности:

Ковшом накладывашь в листики и получатся ярушничек гручущный, он, как хлеб, но из гречухи (Союз. Окт.); Эльма называться, подвид косатки, жёлтая. Она большá, ловили в неводах. *Попадат, но мало* (Пашк. Облуч.); Идёшь по лугу, выдалось **болото, но нетопкое**, обрастать цветочками – это калтус (Джл. Скв.); Толстолоб – **рыба подвид сома, но не очень вкусная** (Кн-ка Кист.); Хорбша **кисть, но с зеленью** (Алб. Скв.); Грабарки строили: обыкновённа **телега, но не развалюха** (Дал. Скв.).

Выявлено также несколько фактов с союзом «да» противительным:

Свёкор был пьяница, да колготной какой-то (Серг. Благ.); Старшой внук в девятой класс идёт, он-то спокойный **мальчик, да смековатый** такой (Лерм. Тамб.); Два раза **стрелял, да мимо**, а волк-то лы́скат, лы́скат зубами (Черн. Магд.).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в КВС с союзами «но» и «да» отражены коммуникативно-прагматические реалии труда и быта диалектносителей: сельскохозяйственные (хлеб, **но из гречухи**), окружающей среды (болото, **но нетопкое**), транспортные средства (**телега, но не развалюха**), промысловые (**стрелял, да мимо**) и

т.д.

Вместе с тем в СРГП практически отсутствуют данные о КВС с союзом «и», хотя частотность его на порядок выше, чем у «но» и «да». В нашей картотеке всего один пример с этим союзом, где он употреблен в сочетании с местоименной словоформой «то», и это при том, что данное соединение ряд исследователей считает самостоятельным союзом (см.: [\[16, с. 280-282; 17\]](#) и др.):

У одних, я их зову большим семейством, постелишки спать, и то нету (Алб. Скв.).

КВС с союзом «да» соединительным также не выявлены.

Однако самая большая неожиданность заключается в том, что в материалах СРГП нами не зафиксированы КВС союзом «а», что, учитывая его такую же высокую частотность, как и у союза «и», но при этом отнесенность к противительным средствам связи (как и союз «но»), требует определенных выводов.

Мы не исключаем наличия КВС с союзом «а» в РГП в целом (как и с соединительными «и», «да»), ибо имеющийся в нашем распоряжении на данном этапе исследования эмпирический материал из СРГП и в некоторой мере относительные критерии поиска в нем допускают определенные статистические погрешности, но тем не менее сформулируем наше понимание проблемы на основе того, что есть в настоящий момент в наличии. Значение союза «а», как известно, с одной стороны, соприкасается со значением «но», а с другой – с союзом «и». Однако, если союз «но» уже «содержит в структуре лексического значения оттенок уступки» [\[8, с. 128\]](#), то для союза «а» нужна соответствующая контекстуальная актуализация этого значения, т.е. союз «а» в силу своего «промежуточного положения может быть синонимичным “и” или “но” в зависимости от количественной стороны констатируемых различий» [\[1, с. 38\]](#). На это указывает также Е. В. Урысон, отмечая, что значение союза «а» «как бы растворяется в контексте» [\[21, с. 207\]](#).

Исходя из этого можно предположить, что в языковой картине мира носителей РГП у союза «а» отсутствует семантика ограничения, и этот союз в их речи скорее соединительно-сопоставительный, чем противительно-сопоставительный. Этот вывод справедлив и в отношении союза «и», а также «да» соединительного. Таким образом, основным выразителем вторичной союзной связи в РГП, если исходить из данных СРГП, является союз «но», чему способствует его противительная семантика, а сами КВС являются в РГП носителями противительно-уступительно уступительных отношений.

4. Заключение

Мы рассмотрели КВС в русских говорах Приамурья, сопоставив их с аналогичными конструкциями современного русского литературного языка. Результаты исследования подтвердили тезис о том, что «вторичная связь представляет собой отвлеченную грамматическую модель, обладающую широкими функциональными возможностями» [Прияткина, 2019, с. 106]. Вместе с тем выявленная нами особенность функционирования КВС в приамурских говорах – их ориентация на противительно-сопоставительную семантику на основе союзов «но» и «да» (= но) требует обоснования с привлечением новых данных. В связи с этим в перспективе дальнейшего изучения этого вопроса мы видим обращение к материалам фольклорно-диалектологического альманаха «Слово» [\[11\]](#). В этом альманахе публикуются различные материалы, связанные, в том числе, и с функционированием амурских говоров на рубеже XX-XXI

вв., которые не отражены в изданиях СРГП. Анализ этих материалов, безусловно, поможет не только более глубоко и всесторонне осмыслить проблему функционирования конструкций с вторичной союзной связью в русских говорах Приамурья, но и будет способствовать дальнейшему изучению амурских говоров как таковых, что, в свою очередь, будет способствовать более четкому представлению о них в системе русского национального языка в целом.

Библиография

1. Бакалова З. Н. Функционально-коммуникативный аспект сочинительных конструкций художественного текста (на материале романа М. А. Булгакова «Белая гвардия»): монография. Самара: СГПУ, 2007. 148 с.
2. Ван Инъин. Союз Да И в лексикографическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: ДВФУ, 2019. 125 с.
3. Завьялов В. Н., Цээ Хэ. Противительные союзы «а», «но», «да» в русских говорах Приамурья (коммуникативно-прагматический аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Т. 10. № 2. С. 27-41.
4. Кириллова Л. Е. Особенности семантико-сintаксических отношений в конструкции с союзом «НО» при подчинении словоформ // Исследования по русскому языку: от конструкций к функционированию: сборник статей к 90-летию Аллы Федоровны Прияткиной / отв. ред. Е. А. Стародумова, А. А. Анисова, И. Н. Токарчук. Владивосток: ДВФУ, 2016. С. 96-115.
5. Кирпикова Л. В. К истории формирования русских говоров Приамурья // Народное слово Приамурья: Сборник статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». Благовещенск: БГПУ, 2004. С. 9-19.
6. Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. 2-е изд., испр. М.: URSS, 2009. 209 с. ISBN 978-5-397-00667-5.
7. Леонтьева В. Т. Союзная связь как выражение отношений между ремами // Исследования по русскому языку: от конструкций к функционированию: сборник статей к 90-летию Аллы Федоровны Прияткиной / отв. ред. Е. А. Стародумова, А. А. Анисова, И. Н. Токарчук. Владивосток: ДВФУ, 2016. С. 115-124.
8. Милованова М. С. Семантика противительности: Опыт структурно-семантического анализа. М.: ФЛИНТА, 2021. 348 с. ISBN 978-5-9765-2371-5.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.09.2024).
10. Оглезнева Е. А. Современные русские говоры Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Материалы Региональной научно-практической конференции «Приамурье от первопроходцев до наших дней». Благовещенск: БГПУ, 2003. С. 107-110.
11. Оглезнева Е. А, Архипова Н. Г. Фольклорно-диалектологический альманах «Слово» как источник изучения живой русской речи и фольклора рубежа XX-XXI вв. // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы международной конференции. Благовещенск: АмГУ, 2024. С. 7-20.
12. Прияткина А. Ф. Вторичные союзные связи. К изучению союзных связей «вторичного характера» // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток: ДВГУ, 2007. С. 89-109.
13. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2019. 175 с. ISBN 978-5-9765-3995-2.
14. Русские говоры Приамурья: коллективная монография / под ред. В. Т. Садченко. Хабаровск: ДВГГУ, 2011. 204 с. ISBN 978-5-87155-347-3.
15. Сакулина, Е. А. Условия формирования противительной семантики в однородных

- рядах с союзом да // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней. Иваново: ИГУ, 2015. С. 68-73.
16. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с. ISBN 978-5-9551-0236-8.
17. Селюнина О. А. Полипредикативные конструкции с вторичной связью, формализованной релятивами И ТО, ДА И ТО, НО И ТО, ДА ЕЩЁ // Мир русского слова. 2012. № 3. С. 12-20.
18. Словарь русских говоров Приамурья / сост. Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевич / отв. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1983. 341 с.
19. Словарь русских говоров Приамурья / О. Ю. Галузя, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск: БГПУ, 2007. 544 с. ISBN 978-5-8331-0143-8.
20. Словарь русских говоров Приамурья / О. Ю. Галузя, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск: БГПУ, 2007. 528 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://disk.yandex.ru/i/0Vcrpzga7BDSJQ/> / (Дата обращения: 25.11.2024).
21. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов: лингвистические данные о деятельности сознания: монография. Москва: Языки славянских культур, 2011. 336 с. ISBN 978-5-9551-0457-7.
22. Хэ Сыюань. Взаимодействие союза «А» с конкретизаторами в современном русском языке: конструктивно-семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: ДВФУ, 2020. 146 с.
23. Шереметьева Е. С. Описание служебных слов в концепции Дальневосточной синтаксической школы и грамматика конструкций // Вестник АТАПРЯЛ. Владивосток. 2014. № 4. С. 19-21.
24. Шереметьева Е. С. Аксиологическая специфика градационно-присоединительных союзов с базовым компонентом «ДА» // Русский язык за рубежом. 2023. № 2 (297). С. 39-44. DOI: 10.37632/PI.2023.297.2.008.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают синтаксические конструкции со вторичной союзной связью в русских говорах Приамурья, которая организуется элементарными сочинительными союзами «но», «а», «и», «да». Актуальность работы обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью русских говоров Приамурья (в частности, «вторичная союзная связь еще не была прямым объектом исследования в русских говорах Приамурья»), во-вторых, важностью изучения конструкций со вторичной союзной связью, которые «отражают тенденцию ко всё большей дифференциации коммуникативных смыслов речи, передающихся с участием средств синтаксической связи». Как отмечают автор(ы), «изучение конструкции со вторичной союзной связью в говорах позволит увидеть эти процессы из самой основы национального русского языка – народной речи, что, в свою очередь, поможет лучшему пониманию данного явления и в рамках литературного языка».

Теоретической основой исследования составляет концепция Дальневосточной синтаксической школы, заключающаяся в разноаспектном описании служебных слов русского языка, в том числе и союзов, на основе синтаксических конструкций, в организации которых они участвуют. Она представлена в основополагающих работах А. Ф. Прияткиной и в трудах других представителей Дальневосточной синтаксической

школы и их последователей (Инъин Ван, Л. Е. Кириллова, В. Т. Леонтьева, О. А. Селюнина, Сыюань Хэ, Е. С. Шереметьева и др.). Автор(ы) также апеллируют к работам В. З. Санникова, З. Н. Бакаловой, Л. В. Кирпиковой, И. Н. Кручининой, Е. А. Оглезневой и Н. Г. Архиповой, В. Н. Завьялова и Цээ Хэ, М. С. Миловановой и т. д. Библиография составляет 24 источника, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный, количественный, сравнительный методы, а также семантический и коммуникативно-прагматический анализ, позволяющий рассмотреть коммуникативные особенности текста, появление которых обусловлено спецификой коммуникативной ситуации и прагматическими установками участников взаимодействия, а также употребление языка в процессе коммуникации. Основным источником эмпирического материала послужил «Словарь русских говоров Приамурья» (2007 г.). Примеры предложений-высказываний с синтаксическими конструкциями со вторичной союзной связью из литературного языка получены посредством «Национального корпуса русского языка». В работе обстоятельно рассматриваются факты функционирования синтаксических конструкций со вторичной союзной связью в современном русском литературном языке, потом они сравниваются с аналогичными конструкциями в русских говорах Приамурья. Такое сопоставление бесспорно дает более наглядную и объемную картину исследуемого явления.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) подтвердить тезис А. Ф. Прияткиной о том, что «вторичная связь представляет собой отвлеченную грамматическую модель, обладающую широкими функциональными возможностями» и выявить особенность функционирования синтаксических конструкций со вторичной союзной связью в приамурских говорах («в языковой картине мира носителей русских говоров Приамурья у союзов «а», «и», «да» соединительного отсутствует семантика ограничения, и этот союз в их речи скорее соединительно-сопоставительный, чем противительно-сопоставительный»).

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом проделанной работы в изучение русских говоров Приамурья и вторичной союзной связи в них. Практическая значимость работы заключается в том, что ее материал и результаты могут быть полезны для общего изучения антропологии диалектной речи и найдут применение в курсах по региональной лингвистике и русской диалектологии.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения материала четкая. Рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».